

А. Н. Кашеваров

ПАТРИАРХ ТИХОН И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918–1920 ГОДОВ

В обстановке гражданской войны и антицерковных кампаний Советского государства патриарх Тихон считал целесообразным ограничить внешнюю деятельность духовенства исключительно защитой Православной Церкви. Это было невозможно без провозглашения невмешательства Церкви в политику и нейтралитета в кровавой междоусобице, а также лояльности по отношению к советской власти. Позиция патриарха складывалась постепенно под воздействием целого ряда факторов еще с конца 1918 г., разделялась Священным Синодом и Высшим Церковным Советом. Окончательно и определенно она была высказана в патриаршем послании от 25 сентября (8 октября) 1919 г. Патриарх Тихон отказался благословить братоубийство, разделять паству, которая была в рядах всех воюющих сторон. Последовательное проведение с этого времени руководством Московской Патриархии принципа аполитичности не смогло разрешить всех проблем. Советское правительство продолжало рассматривать Православную Церковь как своего политического противника. Единственный возможный путь сохранения Русской Церкви патриарх Тихон стал связывать как с дальнейшим проведением принципа аполитичности, так и с обстоятельным разъяснением в официальных церковных документах, главным образом в своих посланиях, лояльного отношения православной иерархии к установившемуся в России государственному строю.

Ключевые слова: патриарх Тихон, Русская Православная Церковь, Гражданская война, советская власть, лояльность, аполитичность, нейтралитет.

Патриарх Тихон в определении своих принципиальных суждений стремился исходить из решений Поместного Собора, который предпринял заметные усилия, чтобы определить свои требования в создании новых церковно-государственных взаимоотношений и позицию по отношению к религиозной политике советской власти. На своей первой сессии Собор неоднократно отмечал незаконный и преходящий характер установившейся власти и характеризовал ее как «группу лиц, силой оружия захвативших власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах...» (Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 5. 175). Однако в дальнейшем внимание Собора сместилось на оценку политики новой власти в отношении религии и Церкви.

События 13–21 января 1918 г. в Петрограде — неудавшаяся попытка матросов и красногвардейцев по приказу комиссара призрения А. М. Коллонтай захватить помещения Александро-Невской лавры, в ходе которой был убит протоиерей Петр Скипетров, и грандиозный крестный ход как «всенародное моление» за гонимую Церковь — в значительной степени ускорили оформление и выражение официальной позиции высшего церковного руководства в связи с первыми мероприятиями советской власти в религиозной сфере. 19 января, в самый разгар гонений на петроградскую Церковь, патриарх Тихон выпустил свое известное послание, отлучавшее от Церкви всех, кто терроризировал население. Несмотря на то, что большевики в послании не названы, суровому осуждению первоиерарха были впервые подвергнуты главным образом конкретные шаги церковной политики советской власти (Акты, 1994, 83).

Анатолий Николаевич Кашеваров — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, профессор кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (kashevar12@mail.ru).

Наиболее отрицательную реакцию духовенства и верующих, как известно, вызвал декрет 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Почти сразу же после его опубликования в советской печати высшее церковное руководство — Поместный Собор и патриарх — призвало священнослужителей и мирян, по существу, к бойкоту декрета об отделении Церкви от государства с применением следующих форм протеста: публичного осуждения действий властей, направленных на подрыв основ церковного устройства, проведения крестных ходов и организации особых братств и обществ защиты против насилия и разворачивавшихся гонений [Кашеваров, 1995, 62–63].

К весне 1918 г. высшая церковная власть убедилась в том, что одного бойкота правительственных декретов и постановлений в отношении религии и Церкви недостаточно для их отмены или даже корректировки советской религиозной политики. Сопротивление верующих конфискациям церковного имущества вызвало лишь новые репрессии. В этих условиях были необходимы переговоры с советским правительством, которые безуспешно прошли в марте и апреле 1918 г. В ходе их специальная делегация Собора под председательством А. Д. Самарина добивалась от представителей Совета Народных Комиссаров отмены постановлений советской власти в отношении религии и Церкви как посягающих «на жизнь и свободу православной народной веры» (Церковные ведомости. 1918. № 2. 472–473).

Анализ документов, содержащихся в фонде Канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода (Ф. 831) в Российском государственном историческом архиве, позволяет заключить, что с конца 1918 — начала 1919 г. в обстановке разгула «революционной самостоятельности» на местах и роста всячески подогреваемых новой властью антицерковных, богоборческих настроений среди определенной части населения как Высшее церковное управление, так и в целом рядовое духовенство все более решительно требовало от государственных органов точного выполнения положений именно декрета об отделении Церкви от государства и других актов, принятых властью в религиозной сфере (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 22. Л. 38–39). Фактически это означало постепенный отход от бойкота религиозной политики государства, который, как показал опыт 1918 г., в условиях разрастания гражданской войны неизбежно вел к усилению противостояния Церкви и советской власти и ненужным жертвам со стороны духовенства и мирян. Впоследствии, в первом же своем послании после освобождения из-под ареста, подписанном 15 (28) июня 1923 г., патриарх вспоминал, что «еще в начале 1919 г. старался отмежевать Церковь от царизма и интервенции...» (Акты, 1994, 282).

Отход от тактики бойкотирования советской религиозной политики особенно ускорился после принятия Народным комиссариатом юстиции (далее — НКЮ) 3 января 1919 г. циркуляра по вопросу об отделении Церкви от государства, опубликованного в «Известиях» 5 февраля того же года. НКЮ в этом циркуляре ориентировал местные власти при осуществлении декрета об отделении Церкви от государства и инструкции от 24 августа 1918 г. воздерживаться от репрессивных мер в отношении духовенства и верующих и не оскорблять их религиозных чувств. По инициативе патриарха Священный Синод в марте 1919 г. обратился в управление делами Совета Народных Комиссаров с заявлением, составленным в весьма корректной и уважительной форме. Содержание этого документа, выявленного автором настоящей статьи в Российском государственном историческом архиве, свидетельствует о том, что циркуляр НКЮ, вызвав среди высшей церковной власти «некоторое удовлетворение по отношению к действиям центрального правительства» и представление о том, что все изданные до него «правительственные постановления только исключительные меры, которые с течением времени будут подвергнуты самой радикальной реформе», возродил предложение и надежды на установление диалога с советским руководством для достижения взаимоприемлемого компромисса в государственно-церковных отношениях (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–2 об.).

Если в первой половине 1918 г. Высшее Церковное Управление призывало в целом не следовать принятым богоборческой властью декретам и актам в отношении религии

и Церкви, то в рассматриваемый период Синод и Высший Церковный Совет уже рекомендовали священнослужителям, как лучше отстаивать интересы Церкви на основе формировавшегося советского законодательства (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 103).

В 1918–1920 гг. интересы Православной Церкви перед советским руководством представляла, по существу, одна депутация, выступавшая сначала от имени Собора, а после прекращения его заседаний — от имени ВЦУ. С постепенным переходом высшего церковного руководства с конца 1918 — начала 1919 г. от бойкота декретов и мероприятий новой власти в отношении религии и Церкви к фактическому признанию советских установлений в религиозной сфере ВЦУ стало ориентировать делегацию на отстаивание церковных интересов на базе «советской законности». Именно в делегацию Высшее Церковное Управление препровождало основной поток писем и жалоб с мест о гонениях и притеснениях духовенства и мирян. По каждому из этих ходатайств делегация обращалась в центральные органы советской власти — главным образом, в VIII отдел Народного комиссариата юстиции или во ВЦИК и СНК — за разъяснением и принятием соответствующих мер.

Таким образом, уже к лету 1919 г. московское ВЦУ фактически признало основные советские законы и декреты в отношении религии и Церкви и стремилось не провоцировать конфликтных ситуаций с властью. Оставалось лишь в публичном официальном акте заявить об этой позиции.

Одновременно с эволюцией внешнего отношения к советской власти и ее религиозной политике патриарх конкретизировал официальную позицию Церкви в ходе Гражданской войны. Как уже известно, Поместный Собор своевременно увидел угрозу грядущей гражданской войны. Предостережения противоборствующим политическим силам от действий, способных развязать кровавую междоусобицу, содержатся во всех четырех посланиях, с которыми Собор обращался с первых дней своей работы и до Октябрьского переворота 1917 г. Призывая прекратить губительное для народа и государства противостояние политических сил, Собор проявил нравственные принципиальность и мужество при соблюдении беспартийности и политического нейтралитета.

Стремление патриарха сохранить и продолжить этот принцип политического нейтралитета Церкви в Гражданской войне нашло отражение в его послании от 5 (18) марта 1918 г. с призывом к прекращению междоусобной брани (Акты, 1994, 107–109), а также в отказе, по свидетельствам современников — А. В. Карташева, князя Г. И. Трубецкого, епископа (впоследствии митрополита) Вениамина (Федченкова) и др., — благословить Белое движение и его вождей [Валентинов, 1925, 160–161; Федченков, 1994, 289].

На допросе 25 января 1923 г., который вел особоуполномоченный ГПУ Я. С. Агранов, патриарх утверждал, что «во время гражданской войны 1917–1919 г. я (т. е. патриарх Тихон. — А. К.) никакой практической поддержки белым армиям, генералу Деникину и адмиралу Колчаку не оказывал. Ввиду моих настроений в то время я лишь оказывал Деникину и Колчаку моральную поддержку, не доходившую, однако, до дачи им благословения» (Следственное дело, 2000, 198). В таком контексте моральная поддержка могла означать лишь признание сочувствия антибольшевистской борьбе и ее лидерам. О том, что «патриарх и члены Высшего церковного управления в 1918 и 1919 г. — до издания патриархом послания о невмешательстве духовенства в политику — определенно сочувствовали» Колчаку и Деникину в борьбе с советской властью, показал управляющий канцелярией Синода и Высшего Церковного Совета П. В. Гурьев в ходе допроса 20 января 1923 г. (Следственное дело, 2000, 195). Примечательно, что участники Белого движения, пытавшиеся добиться от первоиерарха хотя бы и секретного благословения своих действий, не получив такого, были почти уверены в том, что внутренне он сочувствует им, а не большевикам, развернувшим открытые гонения и террор против духовенства. Еп. Вениамин (Федченков) и член ВЦС А. В. Карташев, состоявший одновременно в антибольшевистской организации так называемого левого центра, указывая в своих воспоминаниях на это обстоятельство, вместе с тем отмечали, что первоиерарх

в то же время «видел силу красных», «не верил в возможность скорой победы белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах» (Федченков, 1994, 289; Карташев, 1995, 26). Таким образом, вполне вероятно, что патриарх Тихон внутренне сочувствовал антибольшевистскому движению, хотя и сомневался, видя «силу красных», в его конечном успехе.

Однако патриарх отказался благословить братоубийство, от кого бы оно ни исходило, разделять паству, которая была в рядах всех воюющих сторон. В обстановке полыхавшей Гражданской войны и разворачивавшихся антицерковных кампаний Советского государства первосвятитель считал целесообразным ограничить внешнюю деятельность духовенства и прежде всего священноначалия исключительно защитой Церкви, что в тех условиях было невозможно без провозглашения невмешательства ее в политику и нейтралитета в кровавой междоусобице, а также лояльности по отношению к советской власти. Такая позиция патриарха, как было показано выше, складывалась еще с конца 1918 г. постепенно под воздействием целого ряда факторов, разделялась Св. Синодом и Высшим Церковным Советом, которые уже к лету начали принимать соответствующие ей постановления, и окончательно и определенно была высказана в известном патриаршем послании от 25 сентября (8 октября) 1919 г.

Патриарх призвал духовенство не подавать «никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти», и подчиняться «ее велениям». Он также заявил, что Церковь не может благословить «никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто, не спасет России от нестроения и разрухи... пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в справедливости и святости истины (Еф 4:24)». Послание решительно запрещало духовенству встречать белых колокольным звоном и молебнами, «вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций». Такую позицию патриарх аргументировал «каноническими правилами Святой Церкви», согласно которым ее служители «по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов» (Акты, 1994, 164). Послание было составлено во время апогея наступления войск генерала А. И. Деникина, которые находились уже между Курском и Тулой, а в Москве ожидали их прихода со дня на день. Именно этот непростой момент избрал патриарх Тихон, чтобы сделать принципиальное заявление о позиции Церкви: «несть власти, аще не от Бога», с одной стороны, а с другой, «Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение» (Акты, 1994, 163–164).

11 (24) октября 1919 г. патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет постановили «разослать послание Святейшего Патриарха от 25 сентября сего года по вопросу об отношении церковной власти к происходящим событиям гражданской войны циркулярным указом всем епархиальным преосвященным» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 31). Тогда же соответствующие указы были посланы в 6 епархий, а 24 января (6 февраля) 1920 г. еще в 15 епархий, включая и занятую в тот период белыми войсками Таврическую епархию (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 31 об).

Особую значимость для понимания позиции патриарха по указанным выше важнейшим в тех условиях для жизнедеятельности Церкви вопросам представляет сообщение, сделанное членом Высшего Церковного Совета протопресвитером Н. А. Любимовым 13 (26) декабря 1919 г. на заседании московского ВЦУ, о длившемся около двух часов допросе патриарха в секретном отделе ВЧК заместителем Ф. Э. Держинского М. И. Лацисом. Этот ценный документ был выявлен автором статьи в уже упоминавшемся фонде Канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода в РГИА и опубликован в историко-документальном альманахе «Русское прошлое» (СПб., 1998. Кн. 8. С. 215–227). Очевидно, что Н. А. Любимов, курировавший в органах высшей церковной власти вопросы взаимоотношений с государством, составил свой доклад со слов самого патриарха, так как сведений о присутствии протопресвитера на допросе

в документах ВЦУ нет. В пользу такого предположения говорит и форма изложенного им доклада, например: «пришлось, по словам Святейшего» и т. п. (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 129–131 об.).

«„Признаете ли Вы вообще советскую власть?“ — спросил М. И. Лацис. „Да, признаю, — отвечал патриарх, — и никому никогда не говорил, чтобы ей не подчиняться в делах мирских, и только в делах веры и благочестия должно повиноваться не мирской власти, а только воле Божьей. И думаю, что в этом моем убеждении и взгляде нет никакой контрреволюции“». Патриарх также подчеркнул, что Высшее Церковное Управление признает советскую власть не только на словах, но и считается «с велениями этой власти» — «отменяет иногда раннейшие свои же постановления под влиянием тех или других декретов и распоряжений советского правительства. Так, например, постановление о звоне в набат, после запрещения одного советской властью, отменено было указом Высшего управления, распоряжение относительно метрических записей подтверждено было и циркулярами духовного начальства и т. д. и т. п.» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 130 об.).

В этом ответе патриарха содержится его понимание лояльной позиции Церкви по отношению к Советскому государству, предусматривавшей, по существу, лишь определенное подчинение ему в делах мирских, но исключаящее как положительную поддержку мероприятий власти, так и их порицание. При этом патриарх не стал скрывать, что лично он лишь внешним образом подчинился советской власти, продолжая, как и прежде, считать ее богоборческой, а проводимую политику — антицерковной. На прямой вопрос М. И. Лациса: «Вы изменили теперь свое отношение к Советской власти или по-прежнему держитесь тех же взглядов на нее, какие и высказаны в обращении ко дню первой годовщины?» — патриарх отвечал, что «он и теперь держится прежних взглядов на власть и может изменить свое отношение только в том случае, если и она изменит свое отношение к Церкви и Христовой вере. Но это не значит, что он не считается с велениями этой власти и ее не признает» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 131).

В заключение допроса патриарх заявил, что он «никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или другой форм правления на Руси и ни в каком случае не будет насиловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 131 об.).

Таким образом, данное патриархом на допросе разъяснение своей «аполитичности» и своей «лояльности» по сути исключало использование его позиции в политической игре, которую мастерски могла вести советская власть.

Принцип аполитичности разделяли и другие авторитетные иерархи, среди которых одним из наиболее последовательных приверженцев его был митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). Безусловно, что каждый из иерархов, заявлявших о своей приверженности принципу аполитичности, нейтралитету в Гражданской войне, зачастую по-своему понимал задачи и способы защиты церковных интересов в тех условиях. Однако их выступления и действия не могли не быть учтены патриархом при окончательной выработке своей официальной позиции по этим жизненно важным для Церкви вопросам.

Следуя провозглашенному принципу аполитизма, патриарх явно уклонялся от каких-либо заявлений, характеризующих его политические предпочтения или симпатии. Весьма показателен ответ первоиерарха на вопрос чекиста М. И. Лациса: «А какие Ваши политические убеждения, кто Вы, конечно, чай, монархист?» — «Прошу таких вопросов мне не предлагать, и от ответа на них я уклоняюсь. Я, конечно, прежде был монархистом, как и все мы, жившие в монархической стране, и каких я лично теперь держусь политических убеждений, это для Вас совершенно безразлично: это я проявлю тогда, когда буду подавать голос за тот или другой образ правления при всеобщем народном голосовании» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 131 об.).

В оценке перспектив развития ситуации внутри страны, в первую очередь прочности и долговечности советской власти, позиция патриарха Тихона, видевшего,

по меткому замечанию А. В. Карташева, «силу и длительность народного увлечения большевизмом» [Карташев, 1995, 26] и пришедшего к выводу о необходимости установления взаимоприемлемых отношений с советским государством, была гораздо более реалистичной, чем та, которую занимали митр. Антоний (Храповицкий) и ряд других иерархов Православной Церкви, поддержавших Белое движение.

Источники и литература

Источники

1. Акты (1994) — Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1994. 1063 с.
2. Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5.
3. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 831. Оп. 1. Д. 21; Д. 22; Д. 23; Д. 25; Д. 186.
4. Следственное дело (2000) — Следственное дело патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2000. 1016 с.
5. Церковные Ведомости. 1918. № 2.

Литература

6. Валентинов (1925) — *Валентинов А.* Черная книга (Штурм небес): Сборник документальных данных о борьбе советской власти против религии. Париж: ИМКА-Пресс, 1925. 170 с.
7. Карташев (1995) — *Карташев А. В.* Временное правительство и Русская Церковь // Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 10–27.
8. Кашеваров (1995) — *Кашеваров А. Н.* Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви 1917–1945 гг. СПб.: СПбГТУ, 1995. 138 с.
9. Федченков (1994) — *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. 447 с.

Anatoliy Kashevarov. Patriarch Tikhon and the Civil War 1918–1920.

Abstract: The article shows that in the context of the Civil War and the anti-church campaigns of the Soviet state, St. Patriarch Tikhon considered it expedient to limit the external activity of the clergy exclusively to the protection of the Orthodox Church. In those conditions, this was impossible without proclaiming the Church's non-interference in politics and neutrality in bloody civil strife, as well as loyalty to the Soviet regime. This position of the Patriarch was gradually formed under the influence of a number of factors since the end of 1918, was shared by the Holy Synod and the Supreme Church Council. Finally and definitely, it was expressed in the patriarchal message of September 25 / October 8, 1919. It is likely that Patriarch Tikhon internally sympathized with the anti-Bolshevik movement, although he doubted seeing the "strength of the Reds" in his final success. However, the patriarch refused to bless the fratricide, from whom it came, to share the flock that was in the ranks of all belligerents. The proclamation in 1919 of the patriarch Tikhon and the consistent conduct of the principle of apoliticality by the leadership of the Moscow Patriarchate from that time could not resolve all the problems facing the Russian Orthodox

Church at that time. The Soviet government, in spite of the position taken by Patriarch Tikhon, continued to view the Orthodox Church as its political opponent. In these circumstances, the only possible way of preserving the Russian Church, Patriarch Tikhon, began to associate both with the continuation of the principle of apoliticality in church life, and with a thorough explanation in official church documents, mainly in his letters, of the loyal attitude of the Orthodox hierarchy to the established state system in Russia.

Keywords: St. Patriarch Tikhon, Russian Orthodox Church, Civil War, Soviet power, loyalty, apoliticality, neutrality.

Anatoliy Nikolaevich Kashevarov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Professor at St. Petersburg State University (kashevar12@mail.ru).

Sources and References

Sources

1. Akty (1994) — Akty svyateyshego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneystiye dokumenty i perepiska o kanonicheskom preymstve vysshey tserkovnoy vlasti. 1917–1943 [Acts of the St. Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence about the canonical succession of the highest ecclesiastical authority. 1917–1943]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy bogoslovskiy institut Publ., 1994, 1063 p. (In Russian).
2. *Pribavleniya k Tserkovnym Vedomostyam* [Addition to the Church News]. 1918. No. 5. (In Russian).
3. RGIA — Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. Coll. 831, Aids 1, Fol. 21; 22; 23; 25; 186. (In Russian).
4. *Sledstvennoye delo* (2000) — *Sledstvennoye delo patriarkha Tikhona: Sbornik dokumentov po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB RF* [The investigation of Patriarch Tikhon: Collection of documents based on the materials of the Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tihonovskiy bogoslovskiy institut Publ., 2000, 1016 p. (In Russian).
5. *Tserkovnye Vedomosti* [Church News]. 1918. No. 2. (In Russian).

References

6. Fedchenkov (1994) — Veniamin (Fedchenkov), metr. *Na rubezhe dvukh ehpokh* [At the turn of the two eras]. Moscow: Otchiy dom, 1994, 447 p. (In Russian).
7. Kartashev (1995) — Kartashev A.V. *Vremennoye pravitel'stvo i Russkaya Tserkov'* [The Provisional Government and the Russian Church]. *Iz istorii khristianskoy Tserkvi na Rodine i za rubezhom v XX stoletii* [From the history of the Christian Church in the Fatherland and abroad in the 20th century]. Moscow: Krutitskoye patriarsheye podvor'ye, 1995, pp. 10–27. (In Russian).
8. Kashevarov (1995) — Kashevarov A. N. *Gosudarstvo i Tserkov': Iz istorii vzaimootnosheniy Sovetskogo gosudarstva i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 1917–1945 gg.* [The State and the Church: From the history of relations between the Soviet state and the Russian Orthodox Church in 1917–1945]. Saint Petersburg: SPbGTU Publ., 1995, 138 p. (In Russian).
9. Valentinov (1925) — Valentinov A. *Chernaya kniga (Shturm nebes): Sbornik dokumental'nykh dannykh o bor'be sovetской vlasti protiv religii* [Black Book (Storming the Heavens): Collection of documentary data on the struggle of Soviet power against religion]. Paris: IMKA-Press, 1925, 170 p. (In Russian).